

Право и многопартийность в России. 1994: сборник статей и материалов (под общ. ред. С.А. Боголюбова). М.: ЮД «Юстицинформ».

Салмин А.М., Бунин И.М., Капельюшников Р.И., Урнов М.Ю. 1994. *Партийная система в России в 1989–1993 годах: опыт становления*. М.: Начала-Пресс. 88 с.

Сунгуров А.Ю. 1994. *Становление политических партий и органов государственной власти в Российской Федерации*. СПб: Балтийский институт, центр «Стратегия».

Фролова Н.А. 1993. *Становление политических партий России (1985–1993 гг.)*: дис. ... к.и.н. М.

Шутов А.Ю. 2013. Из новейшей истории формирования многопартийности в современной России. — *Вестник Московского университета*. Сер. 12. Политические науки. № 5. С. 84–87.

VOLODINA Svetlana Vyacheslavovna, postgraduate student, National Research Saratov State University (83, Astrakhanskaya St, Saratov, 410012, Russia)

PERIODIZATION MODELS OF FORMATION OF A MULTIPARTY SYSTEM IN MODERN RUSSIA IN STUDIES OF THE 1990s

Abstract. The most important aspect of the analysis of the formation of a multiparty system in Russia is a periodization of its development – the division into the separate qualitatively different periods identified in accordance with laws or certain features. Namely the scientific periodization of the process of establishing a multiparty system, the allocation of its separate stages allow fuller understanding of the logic and the vector of the development of the party system in our country. In the 1990s, when the scientific and methodological basis for political studies of the Russian multiparty system was formed, these models laid methodological foundations in the scientific controversy that lead to the current research of the subject.

Keywords: multiparty system, scientific periodization, Russian parties, Russia, periodization model

ГОМБОЖАПОВ Александр Дмитриевич — к.и.н., исполняющий обязанности заведующего отделом истории и культуры Центральной Азии Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (670047, Россия, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6; Agombozh@gmail.com)

ПОЛИТИКА ИМПЕРИИ ЦИН В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ (историографический обзор)

Аннотация. Статья посвящена историографическому анализу исследований внешней политики империи Цин в Центральной Азии. Автор подробно рассматривает эволюцию взглядов ученых на характер и содержание маньчжуро-монгольских взаимоотношений. В зависимости от привлекаемой источниковой базы показана неоднозначность подходов в исследованиях к основным событиям вхождения монгольских территорий в состав империи Цин.

Ключевые слова: маньчжуры, империя Цин, монголы, внешняя Монголия, ойраты, историография, Центральная Азия

Маньчжурский период в истории китайского престола — это время наибольшей территориальной экспансии. Процесс становления империи Цин неразрывно связан с историей народов Центральной Азии. Активный внешнеполитический курс был продиктован на первых этапах необходимостью решения двух стратегических задач — привлечь дополнительные ресурсы и не допустить сплочения монгольских племен в условиях борьбы с династией Мин. В дальнейшем стремление расширить и обезопасить свои северные границы, а также усложнившаяся

геополитическая обстановка сделали империю Цин одним из активных игроков на политическом пространстве Центральной Азии. Этот во многом судьбоносный период для Центрально-Азиатского региона продолжает привлекать к себе внимание исследователей из разных стран.

Большой вклад в изучение вопросов истории внешней политики империи Цин в Центральной Азии внесли труды русских востоковедов Н.Я. Бичурина, А. Леонтьева, С. Липовцева, М.В. Певцова, Д. Покотилова и др. Нисколько не умаляя их значения, необходимо отметить, что для первых трудов по истории Цин характерно не критичное отношение к китайским источникам. В исторических сочинениях дореволюционного периода можно проследить воспроизводство взглядов историографов китайских императорских династий. Так, известный исследователь монгольской истории И.Я. Златкин, отдавая должное научным заслугам основоположника русской синологии Н.Я. Бичурина, пишет: «...китайские источники могут быть использованы лишь при условии объективного, научного, критического к ним подхода, а не путем простого их пересказа. Между тем некритическое отношение к источникам составляет основной недостаток трудов по истории монголов как Н. Бичурина, так и его продолжателей, игнорировавших историческую, политическую и социальную обусловленность китайских династийных хроник и отдельных сочинений по истории сопредельных с Китаем народов» [Златкин 1983: 5].

Фундаментальное исследование «История Джунгарского ханства 1635–1758 гг.» И.Я. Златкина во многом определило взгляды историков на основные события ойрато-цинских взаимоотношений. На большом фактическом материале он проанализировал внешнюю политику Джунгарского ханства, столкнувшегося с экспансионистскими планами империи Цин [Златкин 1983].

Особое место в историографии затрагиваемого вопроса занимает сборник статей «Маньчжурское владычество в Китае». В нем признанные авторы дают однозначную оценку национальной политике династии Цин. В частности, известные синологи С.Л. Тихвинский и Л.И. Думан, подчеркивая противоречивый характер господства маньчжуров, отмечают негативные последствия проводимой Цинской империей политики в отношении окраинных территорий [Маньчжурское владычество... 1966].

Одним из основных исследований маньчжуро-монгольских отношений является труд И.С. Ермаченко «Политика маньчжурской династии Цин в Южной и Северной Монголии в XVII в.». Опираясь на корпус китайских источников периода правления маньчжурской династии Цин в Китае, она показывает картину развития маньчжуро-монгольских отношений в XVII в. К первым событиям, предвещающим эти отношения, автор относит подчинение «хулуньского объединения» [Ермаченко 1974]. Автор отмечает, что отношения с монгольскими княжествами сыграли весомую роль в истории маньчжуров до и после образования империи Цин: «Возникшее как военно-феодалное образование, государство маньчжуров в значительной мере укрепилось за счет завоевания княжеств Южной Монголии. Использование южномонгольских войск в войне против Минской империи облегчило маньчжурам овладение Китаем» [Ермаченко 1974: 175]. При этом взаимоотношения маньчжурского государства и южномонгольских княжеств она делит на два периода. Первый характеризуется как равноправный, где формы взаимоотношений принимали вид военно-политических и брачных союзов, дипломатических контактов. Второй ознаменован непосредственным подчинением: переходом от союзнических отношений к вассальной зависимости монгольских князей от маньчжурского правительства и в дальнейшем — в подданных цинского императора, имевших в Цинской империи особый статус «внешних вассалов» [Ермаченко 1974: 69]. В отношении княжеств Внешней Монголии (Халха) И.С. Ермаченко обозначает период добровольных посольских связей, начиная с 1636 г. Отношения после 1655 г. исследователь характеризует как номинальный вассалитет халхаских феодалов по отношению к цинскому императору. Заключительный этап составляет период с 1687 по 1691 г., который завершается отказом северомонгольских ханов от политической самостоятельности. Причины успешной внешней политики маньчжуров по отношению к монголам автор видит в феодальной раздробленности и

сопутствовавшей ей междоусобице в Монголии. Исследуя трансформацию маньчжурской дипломатии, автор раскрывает их эволюцию — от присущих кочевому обществу методов и приемов (приношение клятв о союзе и дружбе, разобщение и сталкивание монгольской знати) к сплаву их с формами китайской традиционной дипломатии (пожалование титулов, поощрения, предоставление дани и т.д.).

Исследователь Г.С. Горохова делит реорганизацию системы управления в Халхе на три этапа. Первый этап — с 1691 по 1723 г. — носил общий характер и не изменил коренным образом основы управления. Второй — с 1724 по 1753 г. — связан с деятельностью императоров Иньчжэна и Цяньлуна, дальнейшим наступлением на права светских и духовных феодалов с целью ограничения и ущемления их власти [Горохова 1980: 34]. Третий этап преобразований — с 1754 по 1761 г. — связан с укреплением местных органов управления. Во второй половине XVIII в. «Цинам удалось завершить создание такой военно-административной структуры управления и сформировать такой аппарат, которые обеспечивали им господствующее положение в Северной Монголии на длительное время» [Горохова 1980: 36].

Подробное изучение институтов наместничества империи Цин проведено С.Б. Намсараевой. Своеобразие управления приграничными землями Цинской империи она раскрывает через понимание особой роли наместников в функционировании системы управления вассальными владениями [Намсараева 2003].

Взгляды известного монголоведа Ш.Б. Чимитдоржиева на маньчжуро-монгольские отношения изложены в работе «Национально-освободительное движение монгольского народа в XVII–XVIII вв.». В рамках марксистских принципов изучения исторических процессов раскрыты причины вхождения монгольских княжеств в империю Цин, политики экспансии соседних земель. Автор подчеркивает, что «внутриполитическая обстановка в Монголии благоприятствовала успеху маньчжурской экспансии» [Чимитдоржиев 2002: 11].

В зарубежной историографии прежде всего необходимо указать труды крупнейшего американского ученого О. Латтимора. Исследовав раннюю стадию развития маньчжуро-монгольских отношений, автор приходит к выводу о том, что процесс быстрого распространения власти маньчжуров был обусловлен политическими и экономическими выгодами монгольской аристократии от положения подчиненных союзников [Lattimore 1940]. В книге «Монголы Маньчжурии» О. Латтимор отмечает ориентиры политики Цин по отношению к племенам Внешней Монголии: утверждение территориальных границ, чтобы приостановить монгольские племенные войны, строгое регулирование расплытия страны на маленькие княжества [Латтимор 1936]. Для того чтобы сделать знаменную систему более крепкой, чем она была раньше, маньчжуры ввели совершенно новую административную категорию — чуулганы, назначение которой состояло в ослаблении племенной связи монголов.

Никола Ди Космо представляет более полное политическое обоснование маньчжуро-монгольских связей и их эволюции. По мысли Ди Космо, сложный административный аппарат был сгенерирован политическим процессом, предшествовавшим окончательному включению внутренней Монголии в империю Цин (1644 г.). Знаменная система была создана как двойная военно-административная организация под руководством цинского правительства. Ди Космо считает, что целью создания знаменной системы было не привлечение южномонгольских княжеств на военную службу, а упорядочение управления и отношений с монгольскими ханствами [Di Cosmo 2012].

Томас Барфилд, известный специалист по кочевым обществам, также много внимания уделил маньчжуро-монгольским отношениям. По его мнению, лейтмотивом политики династии Цин в Центральной Азии было стремление обезопасить свои северные границы. Сложный узел угроз власти маньчжуров во Внутренней Азии был разрешен серией войн, результатом которых стал разгром главного соперника — Джунгарского ханства и подчинение обширной территории. Успех цинского двора в деле подчинения монголов, по мнению Т. Барфида, строился на более тонком понимании кочевой культуры, в отличие от династии Мин: «Традиционной маньчжурской стратегией было поддержание анархии среди кочев-

ников в Монголии таким образом, чтобы последние не могли организовать и стать угрозой для Северного Китая. Маньчжуры усовершенствовали эту стратегию, одновременно поддерживая кочевников в состоянии раздробленности и сохраняя некоторую форму прямого контроля над ними со стороны Китая» [Барфилд 2009: 217]. Выражением данной политики стало включение представителей кочевой знати в обширную иерархическую структуру империи.

Работа Йохана Эльверскога освещает интеграцию монгольских племенных объединений в политическую структуру империи Цин в качестве ее субъектов, членов единой империи. Ключевым элементом данной политики было продвижение буддизма школы Гелуг, который трансформировал исторические представления, а также религиозные обряды и ритуалы монголов. Маньчжурские правители в этой картине выглядели как спасители единства монгольского общества в условиях феодальных междоусобных войн [Elverskog 2006].

В социалистический период взаимоотношения Цинского государства и монгольских княжеств рассматривались в Монголии как система сюзеренитета-вассалитета. В контексте марксистской концепции политика маньчжуров однозначно была определена как агрессия, маньчжурское господство привело к обнищанию и полному разорению основной массы скотоводов. Однако в настоящее время в связи с вводом в научный оборот новых материалов трактовка политики маньчжурской династии Цин как захватнической подвергается сомнению.

Особое внимание хотелось бы обратить на работы монгольского историка О. Оюунжаргал. Ее новаторские работы в освещении проблем маньчжуро-ойратских отношений основаны на широком привлечении источников из маньчжурских фондов. Характерной чертой политики Цин, по мнению автора, было стремление учесть межплеменные отношения и исторически сложившуюся систему этнотерриториальных связей в контексте представлений о подданстве и вассальных отношениях.

Реформа монгольских уделов, заключавшаяся во ведении знаменного управления при сохранении аймачно-хошунной системы, демонстрирует глубокое понимание цинской администрацией межплеменных связей [Оюунжаргал 2011]. В ее работах можно проследить мысль о том, что развитие маньчжуро-монгольских отношений диктовалось обоюдовыгодным союзом.

В историографии существует устоявшееся мнение о территориальном дроблении монгольских владений как о целенаправленной политике маньчжуров для ослабления власти и влияния монгольской знати. О. Оюунжаргал, развивая свою мысль о системе управления маньчжуров на основе подданства, пишет, что увеличение числа монгольских хошунов в маньчжурский период не может быть объяснено лишь политикой разобщения, проводимой Цинской империей. На это оказали также свое влияние традиционное право монголов и существовавшие в то время общественные отношения.

Известный маньчжуровед Т.А. Пан считает, что анализ маньчжурских памятников, рассказывающих о знаменной элите, раскрывает степень участия монголов в становлении цинской государственности. Роль монгольской элиты и численность монгольских знамен была столь велика, что монгольский язык использовался как третий официальный язык империи [Пан 2006: 154].

Э. Жигмэддорж особо подчеркивает преемственность хошунной системы деления с монгольской системой управления. При этом говорится о различиях в понятии «хошун». Монгольская традиция хошунов была предназначена, прежде всего, для военного деления, в то время как маньчжуры представляли ее как основу военно-административного разделения [Жигмэддорж 2008].

Таким образом, историографический обзор показывает, что освещение вопросов внешней политики Цин в Центральной Азии претерпело ряд значительных изменений. На начальном этапе в трудах первых российских востоковедов воспроизводилась официальная история, данная китайскими хронистами. Расширение источниковой базы, сопоставление данных с монгольскими, маньчжурскими, тибетскими текстами, смена парадигмы исследований показали всю сложность политики Цин во Внутренней Азии. Неоднозначность подходов маньчжурской

дипломатии в отношении монгольских княжеств (от альянса и союзов до прямой аннексии) ставит задачу более полного анализа исторических условий, значения понятий, религиозной составляющей. Специальные исследования, подробно рассматривающие проблемы форм и методов инкорпорации монгольских племен в знаменную систему, переселенческую политику цинских императоров, институты управления вассальными территориями, обогащают современное понимание значения империи Цин для исторических судеб народов Центральной Азии.

Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда. Проект №14-18-00552 «Монгольские народы: исторический опыт трансформации кочевых сообществ Азии».

Список литературы

- Барфилд Т. Дж. 2009. *Опасная граница. Кочевые империи и Китай (221 г. до н.э. — 1757 г. н.э.)* (пер. Д.В. Рухляева, В.Б. Кузнецова). СПб. 488 с.
- Горохова Г.С. 1980. *Очерки по истории Монголии в эпоху маньчжурского господства (конец XVII — начало XX вв.)*. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы. 132 с.
- Ермаченко И.С. 1974. *Политика маньчжурской династии Цин в Южной и Северной Монголии в XVII в.* М.: Наука. 196 с.
- Жигмэддорж Э. 2008. *Халх-Манжийн улс төрийн харилцаа*. Улаанбаатар. 170 х.
- Златкин И.Я. 1983. *История Джунгарского ханства 1635—1758*. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы. 333 с.
- Латтимор О. 1936. Главы из книги «Монголы Маньчжурии» (пер. с англ. Н. Шастиной). — *Современная Монголия*. № 3. С. 86-121.
- Маньчжурское владычество в Китае*. 1966. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы. 389 с.
- Намсараева С.Б. 2003. *Институт наместников цинского Китая в Монголии и Тибете в XVIII веке*: дис. ... к.и.н. М. 246 с.
- Оюунжаргал. 2011. *Манж Чин улсаас монголчуудыг захирсан бодлого [Политика подчинения монголов империи Цин]*. Улаанбаатар.
- Пан Т.А. 2006. *Маньчжурские письменные памятники по истории и культуре империи Цин XVII—XVIII вв.* Сер. Orientalia. СПб.: Петербургское Востоковедение. 228 с.
- Чимитдоржиев Ш.Б. 2002. *Национально-освободительное движение монгольского народа в XVII—XVIII вв.* Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН. 215 с.
- Di Cosmo N. 2012. From Alliance to Tutelage: A Historical Analysis of Manchu-Mongol Relations before the Qing Conquest. — *Front. Hist. China*. 7 (2). P. 175-197.
- Elverskog J. 2006. *Our Great: The Mongols, Buddhism and the State in Late Imperial China*. University of Hawaii Press. 242 p.
- Lattimore O. 1940. *Inner Asian Frontiers of China*. New York: American Geographical Society.

GOMBOZHAROV Aleksandr Dmitrievich, Cand. Sci (Hist.), Head of the Department of History and Culture of Central Asia, Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian branch of Russian Academy of Sciences (6, Sakh'yanovoi St, Ulan-Ude, Republic of Buryatia, Russia, 670047; Agombozh@gmail.com)

POLICY OF THE QING EMPIRE IN CENTRAL ASIA (historiographical review)

Abstract. The article is devoted to the historiographical analysis of foreign policy studies of the Qing Empire in Central Asia. The author has considered in detail the evolution of the researchers' views on the nature and content of the Manchu-Mongol relations. The ambiguity of approaches, depending on the attracted source base of research, to the key events of the Mongolian territories' entering into the Qing Empire, is shown.

Keywords: Manchus, Qing Empire, Mongols, Outer Mongolia, Oirats, historiography, Central Asia